

О. В. Борисова

«Огоньки смиренного мученичества»: к истории московских церковных кругов 1920–1930-х годов

В статье идет речь о двух значимых московских церковных кругах, собравших в 1920–1930-е гг. верующих людей, в основном интеллигенцию, которые в годы гонений на церковь со стороны государства дали целый сонм исповедников веры — это община на Маросейке и круг верующей интеллигенции, который собрала Троице-Сергиева лавра.

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что между двумя этими духовными центрами существовала тесная связь, это был единый круг людей, духовно близких друг другу.

Представляется, что роль отца Алексея и отца Сергия Мечёвых в истории Русской православной церкви XX в. на сегодняшний день еще не оценена и требует более глубокого исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исповедничество, община, Маросейка, Троице-Сергиева лавра.

Внешние обстоятельства жизни церкви в России после революции 1917 г. — преследование за христианскую веру, закрытие и разрушение советской властью храмов, обновленческий раскол, подписание Декларации 1927 г. — потребовали от верующих людей мужества и стойкости перед лицом гонений.

История русской церкви XX в. вновь подтвердила слова Тертуллиана о том, что «кровь мучеников есть семя христианства». XX век стал «моментом истины», временем особого переживания духа и смысла христианства. В условиях гонений, когда закрывались и разрушались храмы, изымались церковные ценности, многим пришлось пересмотреть отношение к обряду, приходу, церковной деятельности. В этих обстоятельствах верующие собирались для богослужения в сараях, в лесу, где святой чашей мог быть ничем не примечательный бокал. В лагерях и ссылках литургию совершали, используя клюквенный сок, а престолом

порой служила грудь исповедника. Священномученик Сергей Мечёв в 1933 г. из ссылки обращался к своей общине:

К принятию нового образа жизни призывает нас Господь. Множество храмов рукотворенных, благолепно украшенных, было открыто столетиями, и в то же время величайшее множество храмов нерукотворенных в мерзости запустения пребывали заключенными. Ныне храмы, воздвигнутые руками человеческими, разрушаются, но в покаянной тоске по ним поднимаются храмы, созданные руками Божьими. Огоньки смиренного мученичества вспыхивают повсеместно... Войдем, родные, и мы в клеть душ наших, войдем в храм наш душевный, посвященный Господу еще в момент крещения... Храм этот наш, никто никогда не сможет его разрушить, кроме нас самих. Жертвенник его — сердце наше, и на нем мы можем приносить всегда на слезах наших великое таинство покаяния [*Мечёв, 285*].

Маросейская община

Одним из значительных церковных объединений православной Москвы первой трети XX в. была маросейская община. В начале XX в. ее создал священник Алексей Мечёв, а после смерти пастыря возглавил его сын, о. Сергей Мечёв. Исследования последних лет, новые архивные материалы дают возможность глубже узнать жизнь и служение подвижников веры маросейской общины, таких как архим. Борис (Холчев)¹, свящ. Сергей Никитин (впоследствии — епископ Можайский Стефан)²,

1. Архимандрит Борис (Борис Васильевич Холчев, 1895–1971) — ученый-филолог, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Духовное чадо старца Нектария (Оптинского). С 1928 г. священник храма св. Николая в Кленниках, ближайший помощник о. Сергия в пастырском служении. В 1931 г. арестован в составе группы маросейских прихожан, приговорен к 5 годам лагерей. После окончания лагерного срока из-за преследований властей о. Борис вынужден переехать в Рыбинск, где в это время уже проживали некоторые его духовные чада, в том числе члены общины о. Федор Семенов с женой Александрой Цуриковой, также членом маросейской общины. В Рыбинске о. Борис прожил около 10 лет, тайно служил литургию, не оставляя пастырских трудов. В 1948 г. вышел на открытое служение в Ташкентской епархии, где нес его до своей кончины.

2. Епископ Стефан (Сергей Алексеевич Никитин, 1895–1963) — врач-невропатолог. Окончил медицинский факультет Московского университета. Стал практикующим невропатологом. С 1926 по 1931 г. был сотрудником различных медицинских учреждений Москвы. Член «двадцатки», староста, председатель церковного совета храма свт. Николая в Кленниках. Арестован в 1931 г. в составе группы из 17 прихожан храма во главе с прот. Сергием Смирновым и о. Борисом (Холчевым). Пресвитерскую хиротонию принял от еп. Афанасия (Сахарова) в период с 1925 по 1933 г., точная дата неизвестна. На открытое служение вышел в Ташкентской епархии в 1950 г. В 1959 г. принял монашеский постриг с именем Стефан. С 1960 г. — епископ Можайский.

прот. Василий Евдокимов³, прот. Георгий Ивакин-Тревогин⁴, прот. Феодор Семененко⁵.

Вхождение в общину этих людей в годы, когда советские власти вели борьбу с церковью, безусловно было актом исповедничества веры. Все они прошли через тюрьмы, лагеря, ссылки. Известно, каким тяжелым пыткам подвергался Георгий Николаевич Ивакин-Тревогин: три дня его обливали холодной водой, и после того, как одежда на нем высыхала, обливали снова⁶. Протоколы допросов Сергея Алексеевича Никитина свидетельствуют о том, что он отверг путь компромисса, выражая готовность пострадать за правду. Будучи «непоминающим», он открыто выразил отношение к позиции митрополита Сергия (Страгородского) и к действиям советской власти по отношению к церкви:

Я считаю неправильным гонение советской власти на религию, и декларация, объявленная митрополитом Сергием, также неверна, ибо советская власть закрывает церкви и устраивает гонения на религию. Я же являюсь противником этого [*Никифорова*].

Молитва и богослужение не прерывались и в условиях несвободы. Сохранились свидетельства об участии членов маросей-

3. Протоиерей Василий Федорович Евдокимов (1903–1990) — по специальности бухгалтер. С 1926 г. по благословению старца Нектария окормлялся у о. Сергия Мечёва, вошел в общину. В 1929 г. был арестован вместе с о. Сергием и несколькими прихожанами, приговорен к 3 годам лагерей. В 1932 г. после окончания ссылки вернулся в общину. В 1933–1938 гг. вновь был арестован ислан в г. Ковров, где познакомился с еп. Афанасием (Сахаровым), участвовал в евхаристической жизни общины, образовавшейся вокруг еп. Афанасия. В 1938–1940 гг. нелегально жил рядом с о. Сергием Мечёвым, в окрестностях г. Калинина, помогал ему. В 1954 г. по согласованию с о. Борисом (Холчевым) поехал в Ташкентскую епархию, где был рукоположен в иереи и нес служение до 1987 г.

4. Протоиерей Георгий Николаевич Ивакин-Тревогин (1903–1980) — ученый-математик, окончил физико-математический факультет Московского университета. Был чтецом в храме свт. Николая в Кленниках, затем стал членом общины о. Алексия. После кончины старца Алексия в 1923 г. сопровождал гроб с телом почившего старца из Вереи в Москву. Впервые прот. Георгий был арестован вместе с некоторыми другими членами общины в

1928 г., провел несколько месяцев в тюрьме, затем был вновь арестован в 1938 г., осужден на восемь лет лагерей. 1949–1954 гг. — третий арест и исправительно-трудовые лагеря. По окончании срока лагерей поехал в Ташкентскую епархию, где уже были собраны некоторые члены маросейской общины. В 1955 г. рукоположен в иереи. Нес служение в Ташкентской епархии вплоть до своей кончины.

5. Протоиерей Феодор Никанорович Семененко (1902–1975) — по специальности экономист. Окончил два курса педагогического факультета Второго Московского университета. Окормлялся у о. Алексия, после закрытия Николо-Подкопаевского храма, где служил алтарником, перешел на Маросейку. Тайно рукоположен в 1935 г. еп. Афанасием (Сахаровым), после чего совершал литургии дома. В 1936 г. был выслан в Рыбинск, где в это время жили о. Сергий Мечёв и о. Борис Холчев. По благословению о. Сергия и о. Бориса окормлял приезжавших в Рыбинск членов общины. В 1948 г. вышел на открытое служение в Ташкентской епархии, где нес его до последних лет жизни.

6. По свидетельству дьякона Свято-Успенского собора г. Ташкента А. Н. Гречушкина (из беседы с ним 30.09.2013 г.).

ской общины в таких богослужениях. Прот. Василий Евдокимов вспоминал:

Конечно, страх был, когда пробирались тайком на ночную литургию в лагере: вдруг поймут и надбавят срок? А начнется литургия — и Небо отверсто! Господи, думаешь, пусть надбавят, но лишь бы подольше не наступал рассвет. Иногда мне даже казалось, что мы, узники Христовы, были свободнее тех, кто на воле... Дух был свободным, и Дух пылал! [*Лай Пахомий, 123*].

По воспоминаниям архиепископа Василия (Златолинского), Сергей Алексеевич Никитин в лагере был хранителем священных сосудов и носителем святых даров. Хранить на груди святые дары доверяли наиболее верным мирянам [*Никифорова*]. Возможно, именно это привило ему особо благоговейное отношение к богослужению. Отец Сергей считал, что богослужение лежит в основе всего, и весь цикл жизни человека должен быть выстроен в соответствии с богослужебным кругом. Еще один член маросейской общины, свящ. Феодор Семенов, во время принудительного проживания в Рыбинске еженедельно тайно служил литургию в своей комнате в коммунальной квартире на протяжении более 10 лет [*Жизнь и пастырский подвиг, 127*]. В Рыбинске тайно служил и свящ. Борис (Холчев). Богослужение, совершавшееся таким образом, было неотъемлемой частью жизни исповедников веры и важнейшим свидетельством о Церкви.

После разорения властями маросейской общины, закрытия храма в 1932 г., расстрела 6 января 1942 г. духовного руководителя, свящ. Сергия Мечёва, духовная связь и общение между членами общины не прекращались. Они продолжали молитвенно поддерживать и навещать друг друга, нередко преодолевая для этого тысячи километров. Духовное окормление членов общины по благословению о. Сергия Мечёва взял на себя о. Борис (Холчев).

Плоды жизни и служения маросейской общины в 1940–50-х годах проявились вдали от Москвы, в Ташкентской епархии, где в это время собрались некоторые священники и члены общины, и где, благодаря в большой степени их служению произошел «взрыв духовной жизни». Шесть маросейских священников — о. Борис (Холчев), о. Сергей Никитин, о. Феодор Семенов, о. Георгий Ивакин-Тревогин, о. Василий Евдокимов, о. Петр Гнедич (трое последних приняли священнический сан уже в Ташкенте) — не просто несли там свое служение, но стали теми, на кого смогли опираться архиереи в деле восстановления церковной жизни в епархии. «Это был

целый мир исповедников в Ташкенте...», — свидетельствовал свящ. Павел Адельгейм, начинавший свой священнический путь в Ташкентской епархии [*Живой журнал*].

Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры

В 1920-е гг. еще одним центром церковной жизни стала Троице-Сергиева лавра, собравшая, как и маросейский храм, лучших представителей верующей интеллигенции. В 1918 г. в Сергиевом Посаде была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Ее деятельность — яркий пример христианского свидетельства в московских церковных кругах.

Ученым секретарем и фактическим руководителем Комиссии стал о. Павел Флоренский⁷. В состав комиссии в 1919 г. входили Юрий Александрович Олсуфьев⁸ (был заместителем председателя, а с сентября 1919 по март 1920 г. — председателем Комиссии), Сергей Павлович Мансуров⁹, Михаил Владимирович Шик¹⁰,

7. Священник Павел Флоренский (1882–1937) — религиозный философ, ученый-естествоиспытатель, искусствовед, педагог. Окончил физико-математический факультет Московского университета, затем Московскую духовную академию, рукоположен в 1911 г. Автор ряда религиозно-философских работ. Другое направление его деятельности в этот период — искусствоведение и музейная работа. Он трудился в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, написал ряд материалов по древнерусскому искусству. Одновременно работал в области техники и материаловедения. В 1928 г. был выслан в Нижний Новгород. В начале 1930-х гг. против него развязывается кампания в прессе, в 1933 г. последовали арест и ссылка на 10 лет. Расстрелян 8 декабря 1937 г.

8. Олсуфьев Юрий Александрович (1878–1938) — граф, известный специалист в области древнерусского искусства и старины, организатор музейного и реставрационного дела. До 1917 г. издал описание памятников старины Тульской губернии. Занимался благотворительной деятельностью: организовал детский приют для 40 девочек-сирот; по инициативе Ю. А. на земле, пожертвованной его родителями, был воздвигнут храм прп. Сергия Радонежского на Куликовом поле. Был главным хранителем ризницы Лавры, с 1920 по 1928 г. — сотрудник Сергиевского историко-художественного музея. В 1921 г. организовал в Сергиеве сельско-

хозяйственную артель, в которую вошли семьи Олсуфьевых, Мансуровых и Шиков. Расстрелян 14 марта 1938 г. на Бутковском полигоне.

9. Мансуров Сергей Павлович (1890–1929) — представитель старинного дворянского рода, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученый, историк церкви. Автор книги «Очерки из истории Церкви». В 1921–1923 гг. был заведующим библиотекой Троице-Сергиевой лавры. Читал лекции по истории Церкви, о подвижничестве святых отцов. Когда начались преследования, уехал из Сергиева в д. Аносино, где сблизился с вл. Серафимом (Звездинским) и по его благословиению в 1926 г. был рукоположен в священнический сан. Служил в с. Дуброво недалеко от Вереи.

10. Шик Михаил Владимирович (1887–1937) — выходец из купеческой семьи. Получил образование по двум кафедрам Московского университета — исторической и философской. С 1918 г. проживал в Сергиевом Посаде. Рукоположен в дьяконы митрополитом Петром (Полянским) в 1925 г., в том же году арестован, в 1926–1927 г. находился в ссылке, где в 1927 г. рукоположен в иерея. Писатель, философ, проповедник. Служил в разных храмах Москвы и Подмосковья, а также тайно, в домовых церквях в Малоярославце, куда к нему приезжали духовные чада. 27 сентября 1937 г. расстрелян на Бутковском полигоне.

Владимир Алексеевич Комаровский¹¹. По поручению советской власти члены Комиссии должны были провести работы по исследованию, описи и охране ценностей Троице-Сергиевой лавры. Однако помимо этой задачи у Комиссии была и другая, благословение на которую ее участники получили от патриарха Тихона, — спасти мощи прп. Сергия Радонежского от поругания. В это время в стране началась варварская кампания по «вскрытию мощей» святых, в результате которой многие останки святых были уничтожены. В апреле 1919 г. власти объявили о намерении вскрыть раку с мощами прп. Сергия, и члены Комиссии пошли на смелый шаг.

По благословению наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Крониды¹², члены Комиссии — свящ. Павел Флоренский, граф Юрий Олсуфьев, Сергей Мансуров, Михаил Шик и, возможно, Владимир Комаровский, тайно прошли в Троицкий собор, сотворили молитву у раки с мощами Сергия Радонежского, затем вскрыли раку и благоговейно взяли главу Преподобного, положив на ее место главу погребенного в Лавре князя Трубецкого [*Судьба главы*].

Главу преподобного члены Комиссии схоронили в ризнице и покинули Лавру, дав обет хранить эту тайну, который не должен был быть нарушен ни при каких обстоятельствах. Таким образом, мощи были спасены, а в 1946 г., когда Лавра вновь была открыта, тайно возвращены на место¹³.

Необходимо отметить также издание сборника «Троице-Сергиева лавра», статьи для которого написали члены Комиссии. Центральное место в нем занимала статья о. Павла Флоренско-

11. Комаровский Владимир Алексеевич (1883–1937) — граф, художник, иконописец. Был арестован в 1921–1922 гг., затем в 1925 г., и сослан на три года в Сибирь (г. Ишим). В последний раз арестован в 1937 г. и расстрелян на Бутовском полигоне.

12. Архимандрит Кронид (Константин Петрович Любимов, 1859–1937) — с 1915 г. наместник Троице-Сергиевой лавры. Участник Поместного собора 1917–1918 гг. 4 марта 1919 г. о. Кронид с братией Лавры обратился к председателю Совнаркома с просьбой запретить вскрытие раки с мощами прп. Сергия. Арестован в ноябре 1937 г. Расстрелян на Бутовском полигоне 13 декабря 1937 г. Архиерейским Собором РПЦ 2000 г. причислен к лику святых.

13. Непосредственные участники событий, о. Павел Флоренский и Ю. А. Олсуфьев, погибли задолго до того времени, когда о сокрытии главы преподобного Сергия стало возможным говорить открыто. Но в общих чертах об этом знали члены их семей, а также участники дальнейших событий — П. А. Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей) и Е. П. Васильчикова (удочеренная племянница Ю. А. Олсуфьева, в монашестве Елисавета). Их воспоминания позволяют с большой долей вероятности составить картину изъятия главы и выстроить хронологию ее перемещения в 1920–1946 гг. (см.: [*Судьба главы*]).

го, в которой он утверждал, что Троице-Сергиева лавра — величайшая духовная ценность и не может сохраняться просто как мертвый музей. Во времена открытого стремления новой власти уничтожить церковь, этот сборник свидетельствовал читателям о ценности православной веры и о значении Троице-Сергиевой лавры как сердца верующей России. Издание должно было увидеть свет в 1919 г., его тираж был уже отпечатан, но буквально в последний момент изъят и уничтожен. Чудом сохранилось некоторое количество экземпляров, что дало возможность почти 100 лет спустя, в 2007 г., переиздать сборник. Сегодня эта книга свидетельствует о бескомпромиссной церковной позиции ее авторов.

Постепенно властям открывались истинные мотивы деятельности Комиссии. Весной 1925 г. началась активная травля участников Комиссии, которая продолжалась в течение нескольких лет. В разные годы все ее члены были репрессированы.

Возможно, именно деятельность Комиссии привлекла внимание властей к Сергиеву¹⁴. В 1928 г. в прессе появляется ряд публикаций, «информирующих о том, что в так называемой Троице-Сергиевой Лавре свили себе гнездо “всякого рода бывшие”, главным образом князья, фрейлины, попы и монахи, и призывающих разрушить гнездо черносотенцев» [Шоломова, 89]. В мае в Сергиеве прошли массовые аресты, которые затронули 82 человека из бывших дворян и интеллигенции.

Главной мишенью властей стал о. Павел Флоренский. Его, как и Юрия Александровича Олсуфьева, обвиняли в том, что «под маркой государственного научного учреждения выпускали религиозные книги для массового распространения» [Шоломова, 89]. В феврале 1933 г. о. Павел Флоренский был арестован, осужден на 10 лет заключения и выслан по этапу в Сибирь. В 1934 г. переведен на Соловки. Отметим, что и в этот период он продолжал заниматься научной работой¹⁵. В 1938 г. особой тройкой НКВД Ленинградской области священник Павел Флоренский был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Похоронен в общей могиле расстрелянных НКВД в Левашовской пустоши под Ленинградом.

14. С 1919 по 1930 г. город Сергиев Посад назывался Сергиев. С 1930 по 1991 г. — Загорск. В 1991 г. ему вернули имя Сергиев Посад.

15. Занимался исследованием вечной мерзлоты, после перевода на Соловки — проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более десяти запатентованных научных открытий.

Юрий Александрович Олсуфьев первый раз был арестован в 1925 г. по обвинению в «контрреволюционной деятельности в целях свержения советской власти», через два месяца его освободили. В 1928 г., когда началась открытая травля сотрудников Сергиевского музея, Ю. А. Олсуфьев, предупрежденный о предстоящем аресте, оставил Сергиев и уехал в Москву. В январе 1938 г. его арестовали. За «распространение антисоветских слухов» тройка НКВД по Московской области приговорила его к высшей мере наказания. Расстрелян 14 марта 1938 г. на Бутовском полигоне.

Сергея Павловича Мансурова арестовывали в 1920 и в 1924 гг. Месяцы, проведенные в тюрьме, сказались на его слабом здоровье. После рукоположения в иереи в 1926 г. о.Сергий служил в Сергиевом женском монастыре в с. Дуброво, недалеко от Вереи. Был «непоминающим», так как «не считал возможным поминовение митрополита Сергия как местоблюстителя патриаршего престола, в то время как назначенный патриархом Тихоном местоблюститель митрополит Петр был в живых и находился в ссылке» [Мансуровы, 88]. Служение о. Сергия было прервано тяжелой болезнью. Но те несколько месяцев, которые он служил в храме после получения распоряжения о поминовении митрополита Сергия как местоблюстителя, он совершал богослужения как прежде, без изменений. Отец Сергей Мансуров скончался от туберкулеза в 1929 г.

Первый раз Михаил Владимирович Шик был арестован в декабре 1925 г. по «делу митрополита Петра». В начале этого года он был рукоположен в дьяконы митрополитом Петром (Полянским), который рукоположил тогда лишь нескольких «верных истинному православию». Два года Михаил Владимирович находился в ссылке в Средней Азии, в г. Турткуль. В ссылке он принял священнический сан. По возвращении служил в храмах Москвы и Подмосковья, в том числе на Маросейке. В 1931 г., не согласившись с заявлением митрополита Сергия о том, что находящийся в заключении митрополит Петр не может являться главой церкви, вышел за штат. С этого времени он служил тайно в домовый церкви в г. Малоярославец, где в то время проживал. Повторно о. Михаила арестовали в 1937 г. 27 сентября 1937 г. на Бутовском полигоне о. Михаил Шик был расстрелян.

О мучениках за Христа о. Михаил говорил, что не понимает, «как можно жалеть человека за увенчание его пути: вынести жизнь так, чтобы попасть в ряд святых мучеников — удел немногих» [Шоломова, 108].

Связь двух духовных центров

Публикации последних лет обнаруживают тесную связь между двумя духовными центрами — маросейской общиной и верующей интеллигенцией, собравшейся вокруг Троице-Сергиевой лавры.

Отец Павел Флоренский в разные годы часто бывал у о. Алексия Мечёва. В 1924 г. он вспоминал:

К о. Алексею ходили студенты со своими скорбями, сомнениями, несчастьями. Около него плотно осели члены Христианского студенческого союза. <...> Они вовлекались в общий круговорот общинской жизни, ревностно посещали богослужение, активно участвуя в нем, сообразно своим способностям. Они образовывали кружки, изучавшие совместно духовные вопросы и крепко объединявшиеся чувством братства, нравственной поддержкой и взаимной помощью. Они помогали Общине во всех сторонах ее жизни [Флоренский, 627].

После ареста в 1933 г. о. Павел Флоренский и Василий Евдокимов оказались в одной пересыльной камере Бутырской тюрьмы. Отец Павел, преследуемый за деятельность Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, и Василий Евдокимов, один из ближайших помощников о. Сергия Мечёва, член общины на Маросейке, проходили по одному сфабрикованному делу: они обвинялись в участии в «контрреволюционной церковной организации», во главе которой стоял о. Павел Флоренский. О вынесенном ему приговоре — 10 лет лагерей — о. Павел узнал уже на этапе [Покоев, 25].

Очень близок с о. Сергием Мечёвым был Сергей Павлович Мансуров. Известны его слова, созвучные мыслям о. Сергия Мечёва:

Кто внутренне усвоит жизнь и творения предыдущих поколений, тот найдет и современных преемников [Шоломова, 71].

В 1917–1918 гг. отец Сергей Мечёв регулярно приезжал в Сергиев Посад к Сергею Павловичу как к своему учителю. В день смерти о. Сергия Мансурова его причащал о. Сергей Мечёв, который все последние дни его болезни находился около него. За день до кончины его соборовали пять близких ему священников, в их числе — о. Сергей Мечёв, о. Борис Холчев, о. Сергей

Никитин¹⁶ — наиболее активные члены маросейской общины и близкие ему по духу люди. Известно, что «на отпевании о. Сергия были все те же его друзья: о. Сергей Мечёв, о. Михаил Шик... Пели приехавшие из Москвы, в основном из Мечёвского братства» [Мансуровы, 91].

О близости с маросейской общиной говорит и тот факт, что во все время болезни о. Сергия в доме Мансуровых жила Анна Васильевна Романова — духовная дочь о. Сергия, входившая в его общину. В дальнейшем близкие отношения между ней и женой о. Сергия продолжались.

Близкая дружба связывала священников Сергия Мансурова и Михаила Шика. Известно, что о. Михаил также был близок к о. Сергию Мечёву и его кругу. Неслучайно о. Михаил в 1928–1929 гг. после возвращения из ссылки служил в храме свт. Николая на Маросейке, где его очень тепло приняли прихожане [*Жизнь и пастырский подвиг*, 112]. Вероятно, маросейская община оказывала материальную помощь семье о. Михаила после его ареста в 1937 г. [*Шоломова*, 114].

С 1930 по 1931 г. о. Михаил служил в Никольской церкви у Соломенной сторожки. После ареста в 1929 г. настоятеля храма, священника Василия Надеждина, по его просьбе настоятелем стал духовный друг о. Василия — священник Владимир Амбарцумов. Отец Василий был также духовно близок с о. Сергием Мечёвым, о. Сергием Никитиным и другими маросейцами. После смерти о. Василия о. Сергей Никитин принял на себя заботу о его семье, как впоследствии и о семьях о. Сергия Мечёва и о. Владимира Амбарцумова.

В храме у Соломенной сторожки о. Василий создал общину, ядро которой составила верующая интеллигенция, особое внимание в ней уделялось детям и молодежи. Отец Василий привлекал молодых людей к богослужению, вместе с некоторыми прихожанами занимался просветительской деятельностью [*Московский*].

Отец Владимир Амбарцумов также с молодости находился в близком общении с маросейскими священниками и членами общины. Например, Василий Евдокимов принимал участие в кружке по изучению Священного писания, который вел Владимир

16. Здесь возникает вопрос о дате священнической хиротонии С. Никитина. Если опираться на изложенное свидетельство Мансуровой, то значит, что тайное рукоположение состоялось еще в долагерный период. Это подтверждает и ряд других

свидетелей (см.: [*Епископ Стефан*, 360–361]). В любом случае это не противоречит тому, что в лагере он был хранителем святых даров, так как рукоположение было тайным, и для всех он был мирянином.

Амбарцумов. Эти встречи проходили на квартире, которую снимал друг Василия — Николай Овчинников¹⁷, бывший в то время студентом медицинского факультета Московского университета, и в которой некоторое время вместе с ним жил сам Василий [Локоев, 22]. Николай Овчинников был также связан с маросейским кругом, дружил с Борисом Холчевым. Общение В. А. Амбарцумова и В. Ф. Евдокимова продолжалось и в дальнейшем.

Таким образом, даже небольшое исследование связей и деятельности членов маросейской общины и круга верующей интеллигенции Троице-Сергиевой Лавры показывает, что они находились в тесном общении, их жизненные пути неоднократно пересекались. Это был единый круг людей, близких друг другу духовно. Общность судьбы, братские отношения любви, единство духа в союзе мира и есть сама жизнь церкви.

Очевидна роль в собирании церкви старца Алексия, а затем о. Сергия Мечёва. Однако думается, что значение этих пастырей, масштаб их служения до конца еще не раскрыты и не оценены. Многие факты церковной жизни тех лет пока неизвестны, и лишь постепенно начинает открываться общая картина¹⁸. Сегодня пророчески звучат слова о. Павла Флоренского, произнесенные в 1924 г. По его убеждению, община и служение отца Алексия Мечёва играли особую роль в жизни русской церкви:

Маросейская община имела громадное значение среди верующих не только Москвы, но и значительно за ее пределами, по всей России; можно даже утверждать, что ее значение относилось отчасти и к неверующим. Пока еще не пришло время учесть влияние отца Алексея [Флоренский, 621].

Подтверждением этого взгляда о. Павла Флоренского звучат последние слова самого старца Алексия, написанные им в предчувствии своей скорой смерти. Он обращается ко всем пастырям с заветом «пастырствовать в мире» [Жизнь и пастырский подвиг, 79]. Основанием этого делания о. Алексей называл сострадательную любовь.

17. Иеросхимонах Нектарий (Николай Александрович Овчинников, 1903–1985) — духовное чадо старца Нектария (Оптинского), затем еп. Луки (Войно-Ясенецкого). С детства дружил с Василием Евдокимовым, вместе с ним иподьякствовал у владыки Димитрия (Доброесердова). Окончил медицинский факультет 2-го Московского универ-

ситета, хирург, ученый. В 1947 г. был арестован, в 1953 г. освобожден по амнистии. Вслед за другими членами общины Мечёвых уехал в Ташкент, где в 1955 г. принял священнический сан. В 1976 г. пострижен в монашество с именем Нектарий (см.: [Васильева]).

18. См., напр.: [Дашевская], [Алиева].

Очевидно, что служение отцов Алексия и Сергия Мечёвых и маросейской общины, как и тема церковного круга верующей интеллигенции, близкой к Троице-Сергиевой лавре, а также их связи, требуют более глубокого исследования. Думается, отдельным его направлением может стать изучение деятельности философско-религиозных кружков с миссионерско-просветительскими задачами, целью которых было соби́рание и объединение думающих, духовно свободных людей.

Литература

1. *Алиева* = Алиева А. Б. Монастырь в миру : Пастырские приемы отца Алексия Мечёва // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2010. Вып. 2. С. 128–139.
2. *Васильева* = Васильева О. «Я ухожу, но буду очень близко...» — говорил перед своей кончиной иеросхимонах Нектарий Овчинников // Липецкая газета. 2009. 5 октября. URL: <http://itogi.lpgzt.ru/article/4580.htm> (дата обращения: 29.09.2012).
3. *Дашевская* = Дашевская З. М. Обзор деятельности Братства Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, 1909–1917 гг. // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. Вып. 5. С. 131–150.
4. *Епископ Стефан* = Пономаренко Д., дьяк. Епископ Стефан (Никитин) : Жизнеописание, документы, воспоминания. М. : ПСТГУ, 2010. 960 с.
5. *Живой журнал* = Живой журнал о Павла Адельгейма. URL: [adelgeim.livejournal.com/12048.html](http://livejournal.com/12048.html) (дата обращения: 03.01.2015).
6. *Жизнь и пастырский подвиг* = «Друг друга тяготы носите...» : Жизнь и пастырский подвиг священномученика Сергия Мечёва : В 2 кн. Кн. 1 : Жизнеописание. Воспоминания / Сост. А. Ф. Грушина. М. : ПСТГУ, 2010. 548 с.
7. *Лай Пахомий* = Лай Пахомий, прот. Сквозь узкие врата // Восток Свыше. 2010. № 18. С. 123.
8. *Мансуровы* = Мансурова М. Ф. Мансуровы // Она же и др. Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М. : ПСТБИ, 2001. С. 47–117.
9. *Мечёв* = Мечёв С. Письма общине из ссылки // Он же. Вы — мой путь ко Христу. М. : ПСТГУ, 2009. С. 257–287.
10. *Московский* = Священномученик Василий Московский : В душе живет неистребимая «надеждинская» надежда. URL: <http://www.pravmir.ru/svyashhennomuchenik-vasilij-moskovskij-v-dushe-zhivet-neistrebitimaya-nadezhinskaya-nadezhda/> (дата обращения: 03.01.2015).

11. *Никифорова* = Никифорова А. О епископе Стефане (Никитине) : «Вот так бы жить и так бы умереть!». URL: <http://www.pravmir.ru/o-episkope-stefane-nikitine-vot-tak-by-zhit-i-tak-by-umeret/> (дата обращения: 02.01.2015).
12. *Покоев* = Константин Покоев. Соль земли : Памяти отца Василия Евдокимова // Московский журнал. 1991. № 12. С. 25.
13. *Судьба главы* = Андроник (Трубачев), игум. Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. URL: http://www.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/01/04-01/09.htm (дата обращения: 03.01.2015).
14. *Флоренский* = Павел Флоренский, свящ. Отец Алексей Мечёв // Он же. Собр. соч. в 4 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 621–627.
15. *Шоломова* = Шоломова С. Б. Запечатленный след. М. : МХК «Осанна», 2011. 204 с.

O. V. Borisova

“Sparks of Humble Martyrdom”: on the History of the 1920–1930s Moscow Church Circles

The article focuses on two significant Moscow church circles that brought together believers (mostly intellectuals) of the 1920–1930s. At the time when the church was being persecuted by the state, those circles produced a whole host of confessors, who were part of the Maroseika community and the circle of believing intellectuals gathered around the Holy Trinity St. Sergius Lavra.

The latest research has revealed that the two spiritual groups were closely associated with each other and formed one tightly-knit circle of people sharing a spiritual connection.

It appears that the historical magnitude of Frs. Alexei and Sergius Mechev for the XX century Russian Orthodox Church is yet to be fully appreciated and requires further in-depth study.

KEYWORDS: profession of faith, community, arrest, Maroseika, the Holy Trinity St. Sergius Lavra.